

В статье рассматриваются определения понятия «объект правоприменительного отношения», а также основные виды данных объектов.

Ключевые слова: объект права; объект правоотношения; объект правоприменительного отношения.

The article deals with the definition of «law enforcement relations object», as well as main types of the above objects.

Key words: object of law; object of relationship; object law-enforcement relations.

М. А. Глазырина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mashaglazirina@yandex.ru

Объекты правоприменительных отношений

Научная статья

M. A. Glazyrina

P. G. Demidov Yaroslavl state University

E-mail: mashaglazirina@yandex.ru

Objects of Law-Enforcement Relations

Scientific article

Правовые отношения относятся обычно к сложным в тех случаях, когда существуют, как минимум, два участника, каждый из которых обладает одновременно и субъективными правами, и субъективными юридическими обязанностями. Кроме указанных участников (например, работодатель и работник) в необходимых социально-правовых ситуациях (незаконное увольнение работника и обращение его в суд) появляется третья сторона, которая выступает своеобразным арбитром между участниками, возникает юридический субъект, разрешающий дело по существу путем вынесения властных, индивидуально-конкретных, персонально адресованных правоприменительных решений (актов). Причем в этой системе правоотношений существуют также публичные и частные, регулятивные и охранительные, материальные и процессуальные, краткосрочные и долговременные, первичные и вторичные, вертикальные и иные правоприменительные отношения. В этом проявляется комплексность данных отношений.

Возникает проблема, которая объединяет субъектов и участников в любом правоотношении: на что направлены их интересы и цели? Речь идет об объектах правоотношений вообще и правоприменительных в частности. Понимаются они по-разному. Так, в дореволюционный период

развития российского общества Н. М. Коркунов, выступая против теории безобъектных правоотношений, распространенной в юриспруденции, отмечал, что «всякое действительное право есть право на что-нибудь... Объектом права, – продолжал он, – может быть все то, что служит средством осуществления разграничиваемых правом интересов» [1, с. 154].

Е. Н. Трубецкой под объектом права и правоотношения понимал «все то, что может входить в сферу внешней свободы человека, что может сделаться предметом человеческого господства», выделяя при этом вещи лиц, действия лиц и сами лица [2, с. 154].

Споры касались деталей, принципиальных же разногласий по поводу определения понятия «объект правоотношения» у дореволюционных авторов, как верно замечает М. Н. Марченко, не было [3, с. 597–601], то есть обычно понятия «объект права» и «объект правоотношения» отождествлялись. В последующем многие советские и современные авторы также не видели различий в данных терминах. Так, Р. О. Халфина отмечала, что «понятия "объект права" и "объект правоотношения" фактически совпадают» [4, с. 212]. Указанная точка зрения в дальнейшем была подвергнута серьезной критике подавляющим большинством ученых.

Впервые в советской юриспруденции проблема объектов правоотношений на философском уровне была изложена в монографии А. П. Дудина в 80-х годах прошлого века [5]. Однако автор настолько увлекся анализом абстрактных универсальных категорий, что прироста новых знаний по сути дела не получилось. Поэтому в следующей работе «Диалектика правоотношения» автор вообще отказался от исследования данной проблемы [6].

Возникает вопрос: возможно ли с философских позиций исследовать данную категорию? Как показывает анализ теоретических и эмпирических источников, ответ на этот вопрос может быть только положительным. В философии под объектом обычно понимается то, что противостоит субъекту в его предметно-практической, познавательной и преобразовательной деятельности [7, с. 453]. Необходимы только отдельные уточнения. Так, под объектом права в литературе принято понимать те общественные отношения, которые с необходимостью требуют правового регулирования. В этом случае используется термин «предмет правового регулирования». Объект же правоотношений рассматривается в рамках тех ценностей, благ и услуг, в которых заинтересованы участники и субъекты правоприменительных отношений.

В связи с комплексностью правоприменительных отношений некоторые ученые стали создавать более сложные конструкции объектов. Так, И. Я. Дюрягин выделяет первичные и вторичные объекты правоприменительного отношения. *Первичным объектом*, по его мнению, является поведение управляемых лиц как субъектов материально-правового отношения. Поскольку же правоприменительное отношение призвано обслуживать отношения других участников, то объекты последних, к которым он относит материальные и нематериальные блага, выступают их *вторичным объектом* [8, с. 53].

Нам представляется, что данная точка зрения имеет важное теоретическое и практическое значение. Действительно, во-первых, интересы участников и правоприменяющих субъектов, как правило, не совпадают; во-вторых, именно через поведение субъектов и участников всей совокупности правоотношений, характерной для данной социально-правовой ситуации, происходит удовлетворение материальных и иных благ.

В. Н. Протасов предложил заменить категорию «объект правоотношения» на две другие – «объект правовой деятельности» и «объект интереса» [9, с. 365–367].

С резкой критикой указанной позиции выступил В.К. Бабаев, полагая, что В.Н. Протасов существенно усложняет и без того весьма непростую юридическую проблему [10, с. 523].

По мнению В. Н. Карташова, выделение понятий «объекты правовой деятельности» и «объекты интересов» при определенной их корректировке имеют как теоретическое, так и практическое значение. Он полагает, что недостаточно аргументированными являются положения о замене термина «объект правоотношения» указанными категориями, поскольку все три понятия играют относительно самостоятельную и важную роль в юридической науке и практике. Объект правоотношения – это то, по поводу чего стороны вступают в это отношение. Объекты правоотношения во многих случаях могут не совпадать с объектами правовой деятельности (например, при осуществлении практической деятельности вне правовых отношений). «Объекты интересов» не всегда могут быть связаны с конкретными субъективными правами и субъективным юридическими обязанностями, реальным удовлетворением материальных и нематериальных благ и потребностей, поскольку в ряде случаев они (объекты интересов) остаются лишь на уровне осмысления, в пределах сознания и социально-психологического механизма правового поведения людей и их коллективов [11, с. 20–22].

Очень сложную, абстрактную и в некоторой степени надуманную конструкцию объекта правоприменительного отношения предлагает М. М. Аносова (по ее выражению, сделано это на уровне «правовой интуиции»). В структуру данного объекта она включает следующие объектные категории: объект механизма применения права; объект исследования субъектом правоприменения фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение; объект правоприменительной деятельности, то есть овеществленный результат применения права в виде судебного решения; предмет правоприменительных отношений (материальные вещи в широком смысле слова и нематериальные личные блага). «Возможно подобная конструкция объекта правоприменительного отношения, – указывает автор, – может показаться «раздутой», но, полагаем, что именно такая структура позволит лучше уяснить природу правоприменения, его место и роль в правовой системе общества» [12, с. 154–155].

В данном случае нужно отметить три негативных момента. Первый заключается в том, что, казалось бы, монография полностью посвящена объектам

правоприменительных отношений. Однако позиция автора обозначена только на последних страницах заключительной части текста, без какой-либо внятной аргументации. Второй казус выражается в том, что в работе имеется масса теоретических источников, которые весьма часто используются вне рамок предмета конкретного научного познания. И, наконец, просто «убивают» бесчисленные повторы одних и тех же положений, которые вносят хаос в изложение материала.

С. С. Алексеев, проанализировав разнообразные точки зрения, отмечал, что все споры об объекте правоотношения касались главным образом того, следует ли ограничиваться определением поведения людей в качестве его объекта либо, рассматривая поведение в качестве материального содержания правоотношения, считать объектами разнообразные материальные и нематериальные блага. Больше предпочтение он отдавал второму теоретическому подходу [13, с. 395].

Подавляющее же большинство авторов, если не обращать внимания на некоторые мелкие «нюансы» в сформулированных доктринальных дефинициях под объектом правоотношения понимают то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности сторон [10, с. 524; 14, с. 52; 15, с. 470; 16, с. 493; 17, с. 363; 18, с. 199; 19, с. 136; 20, с. 751].

Если рассматривать пространственную структуру, то в науке существовали две теории: монистическая (концепция единого объекта) и плюралистическая (концепция множественности объектов) [21, с. 394]. Однако мы согласны с подавляющим большинством современных авторов (Н. А. Влащенко, А. П. Дудиным, В. Н. Карташовым, В. В. Оксамытным и др.), которые правильно констатируют, что в настоящее время в науке реально существует концепция множественности объектов, причем уже среди представителей данной теории идет спор о том, что следует относить к объектам [22, с. 203].

Анализ теоретических и эмпирических источников позволяет также сделать вывод, что при классификации объектов превалирует цивилистический подход и не учитывается, что их (объектов) конструкции формируются в правоприменительных отношениях. Мы неоднократно писали о том, что к числу правоприменительных относятся только такие отношения, в которых хотя бы один из их участников по природе своей является правоприменительным субъектом (судом, органом местного самоуправления и т. д.), уполномоченным рассматривать

конкретные юридические дела, выносить по ним персонально адресованные и индивидуально определенные правоприменительные решения (акты). Как образно заметил проф. Б. С. Эбзеев, гражданин «не может назначить себе пенсию: это прерогатива органов социального обеспечения» [23, с. 165].

В правоприменительных отношениях проявляется их властная природа. Они могут формироваться по инициативе любой из сторон (участников), однако желание или согласие второй стороны не всегда является обязательным условием их возникновения, изменения или прекращения. Поэтому вначале в самом общем виде следует выделять, по крайней мере, несколько основных групп правоотношений. Во-первых, это правоотношения между, например, истцом и ответчиком, которые находятся в конфликте и сами не могут его разрешить. Вторую группу составляют правоотношения между правоприменяющим субъектом (например, судом) и истцом. В третью группу включаются правоотношения между судом и ответчиком. Кроме того, как показывает анализ материалов правоприменительной практики, до или в ходе разрешения дела по существу могут возникать, изменяться и прекращать свое действие самые разнообразные правоотношения, например между сторонами и свидетелями, правоприменительным субъектом и потерпевшим, другими участниками правоприменительной практики.

Следовательно, на первый план условно выступают объекты первой группы правоотношений, а именно: между сторонами, между одной из сторон и другими участниками правоотношения. Здесь мы можем выделить следующие объекты: поведение участников и отдельные его элементы (субъективные права и обязанности, конкретные действия и операции, используемые средства, приемы, способы, методы, ресурсы, юридические решения–акты, их позитивные и негативные последствия, юридические и социальные результаты), а также материальные блага, работы и услуги, иные ценности, на которые направлены интересы сторон.

Вторую группу составляет полная совокупность правоотношений между разными правоприменительными субъектами (например, органами прокуратуры и следствия), а также между компетентными правоприменителями и конкретными их участниками (истцами, ответчиками, третьими лицами, потерпевшими, свидетелями и пр.), которые разграничиваются на отдельные подгруппы отношений. Здесь объектами правоприменительных

отношений являются: регулятивные и охранительные, горизонтальные и вертикальные, активные и иные юридические связи и отношения между различными участниками, конкретное их поведение и отдельные элементы правового поведения соответствующего участника, общественный и политический порядок, территория и население, правомерные и противоправные виды активности (пассивности) и т. д.

Таким образом, пространственная структура объектов комплексных правоприменительных отношений всегда будет многоуровневой. Однако это уже тема для относительно самостоятельного исследования, выводы и рекомендации которого будут иметь разные теоретические и практические значения в различных национальных правовых системах, в романо-германской и англо-саксонской, мусульманской и иудейской правовых семьях, в сферах применения международного публичного и международного частного права.

Ссылки

1. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Изд-е М. К. Мартынова, 1909. 354 с.
2. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. Киев, 1906. 186 с.
3. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2014. 720 с.
4. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
5. Дудин А. П. Объект правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 81 с.
6. Дудин А. П. Диалектика правоотношения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 121 с.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
8. Дюрягин И. Я. Правоприменительные отношения как разновидность управленческих отношений // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 46–54.
9. Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Городец, 2010. 752 с.
10. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабеева. М.: Юрайт, 2013. 715 с.
11. Психологический механизм юридического поведения личности / под ред. В. Н. Карташова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 184 с.
12. Аносова М. М. Объекты правоприменительных отношений: проблемы теории и практики. Владимир: Изд-во Транзит-Икс, 2006. 187 с.
13. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2012. 576 с.
14. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
15. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Прогресс, 2015. 752 с.
16. Матузов Н. И. Правовые отношения // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 2013. 672 с.
17. Оксамытный В. В. Общая теория государства и права: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 511 с.
18. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: монография. Ереван: Изд-во Лимуш, 2014. 288 с.
19. Общая теория права: учеб. пособие / под ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск: БГУ, 2013. 416 с.
20. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. СПб.: Изд-во Юридический Центр Пресс, 2003. 845 с.
21. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2012. 608 с.
22. Власенко Н. А. Теория государства и права. М.: Проспект, 2015. 416 с.
23. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. 656 с.